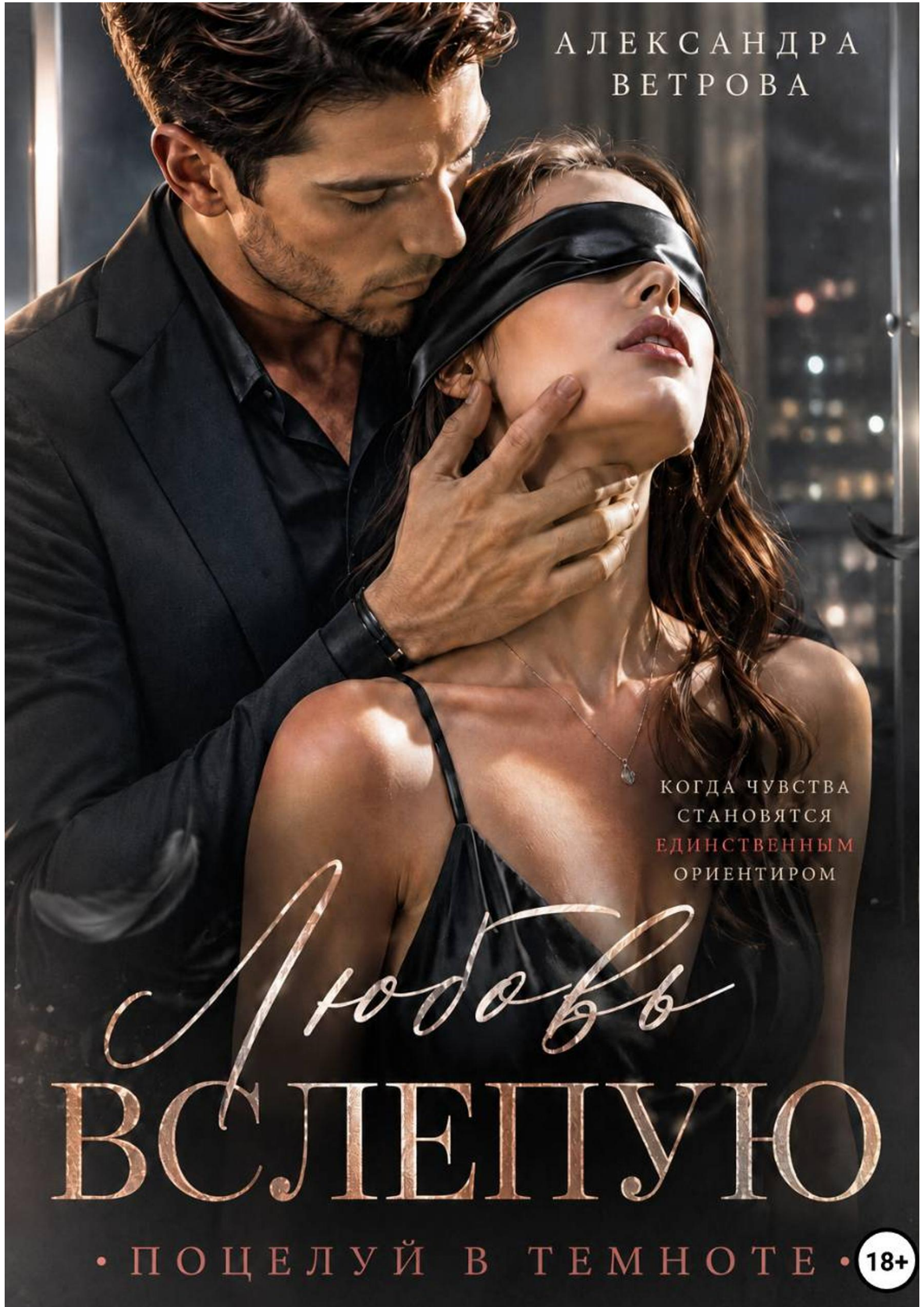

АЛЕКСАНДРА
ВЕТРОВА

КОГДА ЧУВСТВА
СТАНОВЯТСЯ
ЕДИНСТВЕННЫМ
ОРИЕНТИРОМ

Любовь
ВСЛЕПУЮ

• ПОЦЕЛУЙ В ТЕМНОТЕ •

18+

Александра Ветрова

**Любовь вслепую.
Поцелуй в темноте**

«Автор»

2026

Ветрова А.

Любовь вслепую. Поцелуй в темноте / А. Ветрова — «Автор»,
2026

Она — невеста его брата. Он — изгой, которого все забыли. Одна ночь. Полная темнота. Никаких обещаний. Но когда она просыпается утром и видит его лицо при свете — она понимает, что это не была случайность. Это была судьба. Которая разрушит всё, что она строила три года. И даст то, чего у неё никогда не было. Любовь. Без оглядки. Без права на ошибку. Без будущего. «Любовь вслепую. Поцелуй в темноте» — роман для тех, кто знает: настоящее чувство не выбирают. Оно находит тебя. Даже когда ты прячешься за фатой.

© Ветрова А., 2026

© Автор, 2026

Александра Ветрова

Любовь вслепую. Поцелуй в темноте

Пролог. Слепая зона

Я всегда думала, что темнота — это дефицит. Отсутствие. Недостаток света, который можно восполнить вспышкой, лампой, долгой выдержкой.

Я ошибалась.

Темнота — это избыток. Избыток всего, чего ты боишься увидеть. Она не пустая, она переполненная — чужими дыханием, чужими пальцами, чужим будущим, которое ты не выбирала, но приняла, потому что боялась, что своего не заслуживаешь.

Меня зовут Вера. Мне двадцать восемь. Я фотограф документального кино — снимаю свет так, чтобы он ложился на лица как правда. Но это ремесло, а не диагноз. Диагноз в том, что я перестала видеть разницу между «не хочу» и «боюсь».

Восемь лет назад умерли мои родители — авария на трассе, лобовое, скорая приехала через сорок минут. Мне было двадцать. Я училась на оператора во ВГИКе, снимала курсовую про рыбаков на Байкале. Отец звонил за час до вылета: «Верка, мы к тебе в гости в субботу». Мать ворчала на фоне, что он не спросил её, и я смеялась.

Они не прилетели.

Я не была на похоронах — не успела. Интернат для одарённых детей, куда меня сдали в девять лет (родители работали вахтой на Севере), научил меня одному: плакать надо в подушку и без звука, чтобы соседки по комнате не слышали. На похоронах я не плакала. Я снимала — одноклассник попросил сделать репортаж о церемонии для курсовой. Я снимала чужие слёзы крупным планом и думала: «Вот так выглядит горе, когда оно не твоё».

Потом я перестала снимать. Перестала замечать. Я вышла из института с красным дипломом и белым шумом в голове. И когда на съёмочной площадке меня познакомили с Андреем — хирургом, старшим сыном известной семьи, красивым, спокойным, который не задавал лишних вопросов, — я подумала: «Вот он. Якорь. Место, где можно не чувствовать».

Он сказал: «Ты мне нравишься. Ты понимаешь, как надо».

Я должна была услышать в этой фразе тревожный звонок. Я не услышала.

Через год он сделал предложение в ресторане «Турандот» — при свечах, с оркестром, с кольцом, которое стоило как моя первая машина. Я сказала «да», потому что это было правильно. Потому что мать Андрея, Елена Васильевна, одобрила меня (сирота без обременений, художественное образование, не вульгарна), потому что отец Андрея, профессор Т., похлопал меня по плечу и сказал: «Хорошая девочка», потому что Андрей... Андрей был человеком, который не заставлял меня чувствовать.

И это было самое страшное, что я могла тогда выбрать.

Теперь — за три дня до свадьбы — я сижу на подоконнике своей съёмной квартиры на Пресне, курю в форточку (он не знает, что я курю, я скрываю это восемнадцать месяцев, как скрывают любовника), и смотрю на огни Сити. Сквозь стекло они выглядят как размытая экспозиция — слишком много света, ни одного лица.

Я должна уйти.

Не от Андрея — от себя прежней. От той Веры, которая говорит «хорошо», когда хочет закричать. Которая выбирает молчание вместо правды, потому что правда больно падает, а молчание просто висит.

Я достаю телефон. Набираю сообщение Андрею: «Я не могу выйти за тебя. Прости». Пальцы висят над кнопкой «отправить».

И в этот момент входит входящий звонок.

Андрей.

— Верунь, — его голос — бархат, анестезия, — ты где? Я заеду через час, поедем на ужин к родителям. Сюрприз будет.

— Какой сюрприз? — спрашиваю я. Мои пальцы всё ещё над сообщением.

— Увидишь. Ты же любишь сюрпризы.

Я не люблю сюрпризы. Я люблю контроль. Я люблю, когда всё освещено и видно, куда наступать. Но я говорю:

— Хорошо. Жду.

Нажимаю «отмена». Сообщение исчезает в черновиках.

Я не знаю тогда, что это был мой последний шанс выйти из темноты до того, как она накроет меня с головой. Что ровно через шесть часов я встречу человека, который не будет говорить «хорошо», «правильно» или «надо». Который будет пахнуть дождём и табаком и который спросит меня: «Назови три вещи, которые ты в нём любишь? Не качества из резюме. А те, от которых немеют пальцы».

Я не смогу ответить.

И тогда он протянет руку.

И тогда я положу свою ладонь в его.

И мир, который я так тщательно выстраивала — с правильным освещением, правильными интервалами, правильной ложью — рассыплется, как пересвеченный кадр, в котором ничего не разобрать, кроме одного: я живая.

Я всё ещё живая.

И это самое опасное, что может случиться с женщиной за три дня до свадьбы.

Часть первая. Та, кто не видит

Глава 1. Дом на воде

Я ненавижу этот дом за то, что он идеальный.

Дом семьи Т. стоит на сваях прямо в заливе — в получасе езды от Звенигорода, но кажется, что это другой мир, где нет пробок, нет мусорных баков, нет жизни в её неприбранном виде. Архитектор — приглашённый голландец, бетон, стекло, тишина. Осенью вода под домом становится свинцовой, а стёкла отражают небо так, будто дом парит. Родители Андрея купили этот дом двенадцать лет назад, когда Даниил — старший сын — ещё учился в ординатуре и считался гордостью семьи.

Теперь о Данииле не говорят.

— Он не придет, — сказал Андрей по дороге, сжимая руль своего чёрного «Мерседеса».

— Он вообще не приезжал восемь лет.

— А сюрприз?

— Сюрприз потом. Не порти.

Я смотрела на мелькающие за окном деревья — берёзы, осины, редкие сосны — и думала о том, что восемь лет — это как жизнь кошки. Или как срок, за который можно забыть человека. Или нельзя.

Дом встретил нас запахом хвои и воска. Елена Васильевна — мать Андрея — вышла на крыльцо в шерстяном платье цвета бордо, с идеальной стрижкой и идеальной улыбкой.

— Верочка, детка, иди сюда. Ты похудела? Андрей, ты её не кормишь?

Она чмокнула меня в щеку — губы сухие, как гербарий. Я улыбнулась своей дежурной улыбкой, той, что ставила на автомат ещё в интернате, когда воспитательница говорила «улыбнись, Вера, ты же девочка».

— Здравствуйте, Елена Васильевна.

— Сколько раз говорить — мамой. Ты теперь почти дочь.

Она сказала это «почти» как хирург — аккуратно отделив здоровое от больного. Я ей не дочь. Я правильно подобранный аксессуар к младшему сыну, который должен родить наследников и не позорить фамилию.

Из дома вышел профессор Т. — отец — в домашнем свитере, с газетой под мышкой. Он обнял Андрея, кивнул мне:

— Вера. Как работа?

— Хорошо, спасибо.

— Съёмки?

— Закончила один документальный проект. Теперь монтаж.

— Хорошо, хорошо, — он уже смотрел куда-то мимо, потому что разговор со мной был формальностью, которую нужно отбыть, как утреннюю зарядку. — Проходите в дом, ужин через час.

Я вошла в гостиную — высокие потолки, камин, чёрно-белые фотографии на стенах. Я их раньше не замечала, хотя была здесь раз пять. Снимки были хорошие — нет, не так. Они были пронзительные. На одном — старик в рыбацкой куртке держит внука за руку на причале. На другом — женщина смеётся в телефон, запрокинув голову, и в её смехе столько свободы, что мне стало больно. На третьем — детская ладонь, сжимающая одуванчик.

— Это чьи работы? — спросила я у Елены Васильевны.

Она помолчала секунду — слишком долгую для обычного ответа.

— Старшего. Даниила. Давние. Мы их не убрали только потому, что дорогой багет.

Она сказала это с такой интонацией, будто багет был важнее смысла. Я ничего не ответила. Просто подошла ближе к фотографии со стариком. В ней не было ни одной профессиональной уловки — ни идеального света, ни выверенной композиции. Но было то, чего я не умела: правда.

— Нравится? — голос раздался за моей спиной, и я вздрогнула. Потому что голос был не Андрея. Ниже. Хриловатый. С какой-то интонацией, от которой мурашки пошли по шее, хотя он сказал всего одно слово.

Я обернулась.

Он стоял в проёме двери, ведущей на кухню. Высокий — выше Андрея на полголовы. Плечи — шире. Волосы тёмные, небрежно откинутае назад, несколько прядей падают на лоб. Глаза — цвета мокрого асфальта, с такими тенями под ними, будто он не спал несколько суток. Лёгкая щетина. Футболка чёрная, выцветшая, на левом плече — крошечная дырочка, которую он не зашил. Джинсы, татуировка на запястье — иероглиф, которого я не разобрала.

Он пах. Я уловила запах за секунду до того, как он сделал шаг вперёд — табак, дождь, что-то ещё, что мой нос не мог идентифицировать, но тело узнало сразу.

Я не знала, кто он. Но мои пальцы — те самые, которые отвечают за спуск затвора — вдруг онемели.

— Даниил, — представился он. — Брат Андрея. Тот самый, о котором не говорят.

— Вера, — ответила я, и мой голос прозвучал чужим. Слишком тихим. Слишком интимным для полуметра дистанции.

— Знаю, — он усмехнулся одними уголками губ. — Андрей показывал твои фотографии. Ты снимаешь свет. А я снимаю тени.

— Я документалист, — поправила я, потому что это было важно — отделить себя от него, поставить границу.

— Документалист снимает правду. Ты снимаешь то, что хочешь видеть.

В его словах не было злости. Только такая точность, от которой хочется защититься — или ответить тем же.

— А вы? — спросила я, выделив «вы» как забор. — Вы снимаете правду?

— Я снимаю то, от чего отворачиваются.

— И что же это?

Он сделал ещё шаг. Теперь расстояние между нами было таким, что я чувствовала тепло его тела. Я не отступила. Почему-то я не могла отступить.

— Страх, — сказал он. — Надежду. Одиночество. И людей, которые думают, что их никто не видит.

— Даниил! — голос Елены Васильевны разрезал воздух как скальпель. — Не стой в проходе. Иди помоги на стол накрыть.

Он не обернулся на мать. Он смотрел на меня ещё секунду — долгую, бесконечную, такую, за которую можно измерить всю жизнь. Потом его глаза скользнули по моему лицу — лоб, скулы, губы, подбородок — как объектив, который выбирает фокус. И он ушёл.

Я осталась стоять у фотографии, чувствуя, как сердце бьётся где-то в горле. Руки дрожали. Я сунула их в карманы джинсов, чтобы никто не заметил.

Вошёл Андрей. Чмокнул меня в макушку:

— Видела Дана? Каков, а? Братеньник вернулся. Я тебе говорил про сюрприз.

— Ты не говорил, что он приедет, — выдавила я.

— А ты бы поехала, если бы я сказал? — Андрей рассмеялся, и в его смехе не было ничего злого — только легкомысленность человека, который не умеет читать воздух. — Да ладно, он безобидный. Просто семейная драма. Познакомишься.

Я познакомилась.

И в тот момент я уже знала — с той же уверенностью, с какой фотограф знает, что кадр получился, даже не глядя на дисплей — моя жизнь только что раскололась на «до» и «после».

«До» длилось двадцать восемь лет.

«После» начиналось сейчас.

Глава 2. Правила разрыва

Ужин был пыткой.

Я сидела между Андреем и профессором Т., напротив Даниила. Елена Васильевна восседала во главе стола, как королева на казни. Свечи. Серебро. Хрусталь, который звенел при каждом неверном движении.

— Даниил, — начала она, разрезая семгу, — расскажи, чем ты занимался эти восемь лет, пока мы тут старели.

— Снимал, — коротко ответил он.

— Людей?

— Жизнь.

— Ах, жизнь. — Она отправила кусок рыбы в рот, прожевала со значением. — А деньги? Жизнь платит?

Даниил не дрогнул. Он взял бокал с водой (не вино, я заметила), отпил глоток, посмотрел на мать спокойно, как на объект съёмки:

— Иногда да. Чаще нет.

— А на что ты живёшь? — вмешался отец. Не зло — скорее с медицинским любопытством, как на обходе.

— Продаю фотографии на аукционах. Иногда снимаю для журналов. Иногда — нет.

— Нестабильно, — резюмировал отец.

— Жизнь нестабильна, папа. — Даниил не повышал голос, но каждое его слово падало на стол с глухим звуком, как камень в воду. — Операционная тоже. Но вы это помните, да?

Тишина. Андрей кашлянул. Елена Васильевна застыла с вилок у рта. Профессор Т. положил нож.

— Не начинай, — тихо сказал он.

— Не начинаю, — ответил Даниил. — Я просто ужинаю с семьёй. Впервые за восемь лет. И мне правда интересно: как вы?

— Хорошо, — отрезала мать. — У нас всё хорошо. В отличие от некоторых.

Андрей положил руку мне на затылок — жест собственника, который я раньше не замечала. Он делал это часто, но сейчас, в присутствии Даниила, я вдруг ощутила его как давление. Как клеймо. «Моя. Смотри, брат. Моя».

— У нас свадьба через три дня, — сказал Андрей, сверкая улыбкой. — Ты приглашён, Дан. Мы прислали приглашение на почту.

— Я получил.

— Приедешь?

Даниил перевёл взгляд на меня. Долгий. Тяжёлый. Такой, от которого хочется прикрыться руками.

— Не знаю, — сказал он, глядя мне в глаза. — Я не очень люблю смотреть, как люди становятся чужими друг другу в присутствии священника и гостей.

— Что это значит? — спросил Андрей, и в его голосе впервые за вечер прорезалось раздражение.

— Это значит, — Даниил не отводил от меня взгляда, — что брак — это не платье, не ресторан и не кольцо. Это решение просыпаться рядом с одним и тем же страхом до конца жизни.

— Достаточно! — Елена Васильевна стукнула вилок по столу. Звон хрусталя. — Мы собрались не для того, чтобы ты учил нас жизни. Ты, который бросил семью, бросил медицину, бросил...

— Мама, — тихо сказал Андрей, — не надо.

— Что — не надо? — она покраснела, первый раз за вечер потеряв контроль. — Правду не надо? Даниил, ты был гением, ты мог стать лучшим кардиохирургом страны, но ты сбежал, потому что испугался. Испугался ответственности. И теперь ты приезжаешь в наш дом, садишься за наш стол и рассуждаешь о браке?

Даниил медленно положил салфетку. Встал.

— Я сбежал не потому, что испугался, — сказал он, и его голос был таким тихим, что все невольно подались вперёд. — Я ушёл, потому что не захотел быть частью лжи.

— Лжи?! — мать вскочила.

— Той лжи, где виноватый нужен больше, чем правда. — Он посмотрел на отца. Затем на мать. Затем — мельком, на секунду — на меня. — Спасибо за ужин. Я в гостевой на первом этаже, если понадобится.

Он вышел. Дверь закрылась без стука.

Наступила тишина. Я смотрела на свою тарелку, где сёмга остыла и покрылась белой плёнкой жира. Андрей массировал мне плечо ритмичными движениями, не замечая, что я окаменела.

— Ты прости его, — шепнул он мне в ухо. — Он всегда был сложным. Драматургом. Ему бы пьесы писать, а не фоткать.

Я кивнула. Потому что кивать было привычно.

Но внутри меня что-то щёлкнуло. Не как затвор — как замок, который только что открыли.

Я подняла глаза на пустой стул напротив. На салфетку, которую Даниил сложил небрежно, кое-как, в отличие от аккуратных квадратиков матери. На бокал с водой, где остался отпечаток его губ.

Я подумала: «Этот человек ушёл не от страха. Он ушёл от того, что не мог вынести внутри себя. И он вернулся, чтобы...»

Чтобы что?

Я не закончила мысль. Но знала, что сегодня, когда все уснут, я выйду на террасу. И буду курить. И почти буду надеяться, что он тоже не спит.

Я почти надеялась.

И это «почти» было уже предательством.

Глава 3. Час между волком и собакой

В три часа ночи я вышла на террасу.

Дом спал. Я слышала, как Андрей отключился через пять минут после того, как мы легли в гостевой спальне на втором этаже — он захрапел, отвернувшись к стене, не обняв меня, даже не сказав «спокойной ночи». Я лежала два часа, глядя в потолок, на котором играли блики от воды — дом стоял на сваях, и луна отражалась в заливе, создавая на белом бетоне движущиеся пятна.

Они напоминали мне фотограммы — снимки без камеры, когда предметы кладут прямо на фотобумагу и освещают. Получается негатив тени. Иногда тень говорит больше, чем тело.

Я тихо оделась — джинсы, свитер, который вязала бабушка (единственная вещь, которую храню с детства). Нашла пачку «Парламента» в боковом кармане сумки — тайная привычка, о которой Андрей не знает. Я курю только когда одна. Или когда мне страшно.

Сегодня было страшно.

Терраса выходила на залив. Деревянный настил, перила из нержавеющей стали, шезлонги с белыми подушками — всё стерильное, дизайнерское. Я села в угол, подальше от света, который пробивался из холла через стеклянные двери. Зажгла сигарету. Глубоко затянулась.

Табак обжог горло. Хорошо. Боль была честной.

Дождь начинался как туман — сначала просто влажность на коже, потом мелкие капли, которые я не сразу различила. Я не уходила. Я смотрела на воду, на чёрную гладь залива, на редкие огни на том берегу, и думала о том, что моя жизнь похожа на этот пейзаж: всё освещено ровно настолько, чтобы не упасть, но недостаточно, чтобы увидеть красоту.

— Ты замёрзнешь.

Голос возник из темноты за моей спиной. Я не вздрогнула — я замерла. Потому что уже знала, кому он принадлежит.

Даниил стоял в трёх метрах от меня, на границе света и тени. Без куртки — только футболка, которая через минуту промокнет насквозь. Босиком. Волосы слиплись от мороси.

— Как ты меня нашёл? — спросила я. Мой голос был ровным — настолько ровным, что я сама себе не поверила.

— Ты куришь «Парламент». Я учуял за полдома.

Я усмехнулась. Не потому, что было смешно — потому что нервничала.

— Ты тоже не спишь.

— Я вообще сплю редко. С тех пор как...

Он замолчал. Подошёл ближе. Я видела, как капли собираются на его плечах, на ключицах — футболка облепила тело, и я отвела взгляд, потому что рассматривать чужое тело при свете... при какой свете? Его не было. Только мутное свечение из дома и луна, которую закрывали тучи.

— С тех пор как что? — спросила я.

— С тех пор как понял, что сны — это тоже реальность. Только без права выбора.

Он сел на шезлонг напротив меня. Не на тот, что в двух метрах — на тот, что в полуметре. Я почувствовала запах: табак, дождь, и ещё — какой-то древесный, горький, как кора после ливня.

— Ты зря вышла, — сказал он. — Начнут искать — подумают что-то не то.

— Кто будет искать в три часа ночи?

— Андрей, например.

— Андрей спит с берушами. Он ничего не услышит.

— А ты откуда знаешь?

— Я восемнадцать месяцев с ним живу. Он спит с берушами и маской для сна. Он боится темноты.

Даниил тихо засмеялся — без звука, одними плечами.

— Забавно. Брат, который боится темноты. И невеста, которая курит в ней в три часа ночи.

— Я не его невеста, — сказала я. И сама испугалась этих слов.

— Нет? — он наклонил голову. В темноте я не видела его глаз, но чувствовала их — тяжесть, температуру. — А кто же ты?

— Я... — я затянулась, чтобы сделать паузу. Дым пошёл вверх, растворился в дожде. — Я женщина, которая забыла спросить себя, хочет ли она того, что получает.

Тишина. Только дождь. Только вода под домом. Только его дыхание — ровное, глубокое, такое, которое успокаивает сильнее, чем пять мг диазепамы.

— Ты знаешь, как пахнет человек, который согласился на свою жизнь? — спросил он.

Я не ответила.

— Тобой пахнет, — сказал он. — Недожаренным мясом и смирением. Знаешь, почему я не сплю? Потому что во сне я вижу людей, которые могли бы жить иначе. А просыпаюсь — и вижу тех, кто выбрал удобство.

— Откуда ты знаешь, что это был выбор? — я почувствовала, как злость поднимается из живота — горячая, давно не испытываемая. Её так легко принять за желание. — Может, у меня не было выбора.

— Выбор есть всегда. Просто иногда он страшнее, чем его отсутствие.

Он произнёс это так спокойно, что я захотела ударить его. Или коснуться. Или и то, и другое одновременно.

— Ты многого не знаешь, — сказала я, гася сигарету о перила. — О моей жизни. О том, почему я здесь.

— Расскажи.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты чужой человек.

— Я чужой человек, который не спит в три часа ночи и слушает дождь рядом с тобой. Это не делает меня ближе, но и не оставляет совсем чужим.

Я молчала. Он молчал. Дождь усиливался — уже не морось, а настоящий ливень, с запахом озона и мокрой земли. Мои волосы промокли, свитер стал тяжёлым. Я замёрзла. Но не уходила.

— Ты поэтому приехал? — спросила я наконец. — Чтобы спасти?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.